

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
6 June 2023
Russian
Original: French

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 138/2021* **

<i>Сообщение представлено:</i>	С. Б. (представлена адвокатом Ришаром Седийо)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Х. Ф.
<i>Государство-участник:</i>	Люксембург
<i>Дата сообщения:</i>	2 июня 2020 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	8 мая 2023 года
<i>Тема сообщения:</i>	возвращение ребенка в Люксембург после международного похищения; право на поддержание личных отношений и непосредственного контакта с матерью
<i>Процедурный вопрос:</i>	компетенция <i>ratione materiae</i>
<i>Вопросы существа:</i>	наилучшее обеспечение интересов ребенка; разлучение детей с родителями; права ребенка
<i>Статьи Конвенции:</i>	3 (п. 1), 9 (пп. 1–3), 10 и 12
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	7 (п. с))

1. Автор сообщения является С. Б., гражданка Франции, родившаяся в 1984 году. Она представляет сообщение от имени своего сына, Х. Ф., гражданина Франции, родившегося в 2012 году. Автор утверждает, что государство-участник нарушило права Х. Ф. в части пункта 1 статьи 3, пунктов 1 и 3 статьи 9, а также статей 10 и 12 Конвенции. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 12 мая 2016 года. Автор представлена адвокатом.

* Приняты Комитетом на его девяносто третьей сессии (8–26 мая 2023 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао, Айсату Алассане Мулайе, Хинд Аюби Идрисси, Ринчен Чопхел, Браги Гудбрандссон, Филип Жаффе, Сопио Киладзе, Фейт Маршалл-Харрис, Бэньям Дэвйт Мэзмур, Микико Отани, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Энн Скелтон, Велина Тодорова, Бенуа Ван Кейрсбилк и Зара Рату.

Факты в изложении автора¹

2.1 Х. Ф. родился в браке автора с О. Ф. 28 сентября 2015 года судья окружного суда Люксембурга, выносящий решения по срочным вопросам, назначил автора временным опекуном Х. Ф., признал родительские права обоих родителей и предоставил О. Ф. право посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время. 12 мая 2016 года тот же суд оформил развод пары.

2.2 Летом 2018 года автор вернулась во Францию вместе с Х. Ф. из-за того, что ей угрожали. 29 ноября 2018 года окружной суд Люксембурга назначил О. Ф. опекуном Х. Ф., а автору предоставил право забирать ребенка к себе на определенное время.

2.3 20 декабря 2018 года по итогам разбирательства, инициированного О. Ф. с целью вернуть Х. Ф. на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, судья Гренобля по семейным делам постановил, что автор вывезла Х. Ф. незаконно, и вынес предписание о возвращении ребенка в место постоянного пребывания по домашнему адресу О. Ф. в Люксембурге. Руководствуясь пунктом b) статьи 13 указанной конвенции, 20 февраля 2019 года апелляционный суд Гренобля подтвердил факт отсутствия оснований для вынесения предписания о возвращении Х. Ф. в Люксембург ввиду очень серьезного риска причинения ему физического или психологического вреда². Он отметил наличие опасности жестокого обращения, о которой говорил сам Х. Ф., и с учетом его слов не исключил риск самоубийства ребенка. 27 июня 2019 года Кассационный суд Франции отклонил кассационную жалобу О. Ф.

2.4 10 июля 2019 года Апелляционный суд Люксембурга подтвердил решение окружного суда от 29 ноября 2018 года, назначил местом проживания Х. Ф. домашний адрес О. Ф., предписал его возвращение, предоставил автору право посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время и сохранил родительские права обоих родителей. 5 сентября 2019 года французские силы правопорядка направили Х. Ф. по домашнему адресу О. Ф. в Люксембурге.

2.5 15 октября 2019 года судья по семейным делам окружного суда Люксембурга вынесла исключительное временное постановление по срочному вопросу, предоставив автору право посещать ребенка при посредничестве службы «Трефф-пункт» в Мюнсбахе³. При этом 29 ноября 2019 года судья по семейным делам окружного суда Люксембурга, вынося решение по существу дела, признала неприемлемыми требования О. Ф. о приостановлении действия права автора на посещение сына в таком формате. Постановлением от 18 марта 2020 года Апелляционный суд Люксембурга распорядился провести экспертизу Х. Ф. и указал, что исключительное временное постановление по срочному вопросу от 15 октября 2019 года сохраняет силу до разрешения спора по существу и вступления в законную силу решения по итогам этого разбирательства.

2.6 12 марта 2020 года, после трех визитов с участием посредников, служба «Трефф-пункт» приняла решение о приостановлении визитов, обвинив автора в вовлечении Х. Ф. в родительский конфликт, с чем автор не согласна. Таким образом, с сентября 2019 года Х. Ф. видел мать всего несколько часов. Однако в первом отчете службы воспитатели указали, что Х. Ф. был рад встрече с ней. Кроме того,

¹ Первоначальное представление от 2 июня 2020 года было дополнено последующими представлениями от 20 октября 2020 года, 8 апреля 2021 года, 19 апреля 2021 года и 16 июня 2021 года.

² Статья 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, помимо всего прочего, предусматривает следующее: «Несмотря на положения предыдущей статьи, судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан предписывать возвращение ребенка, если лицо, учреждение или иная организация, выступающие против его возвращения, докажут, что: [...] b) имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда, или иным образом поставит его в невыносимые условия».

³ Служба «Трефф-пункт» — социально-правовое учреждение, в котором дети могут встречаться с членами семьи при наличии препятствий или затруднений для осуществления права на посещение.

в предупреждении от 12 марта 2020 года сотрудники службы отметили, что О. Ф. упрекал автора в присутствии Х. Ф., не признавая ее страданий и не умея справиться с собой. В письме от 19 марта 2020 года адвокат Х. Ф. обратилась в суд по делам несовершеннолетних с просьбой вынести предписание о немедленном помещении Х. Ф. под родительскую опеку, чтобы обеспечить его здоровье и безопасность, и приостановить действие права посещения ребенка.

2.7 В своем постановлении от 15 июля 2020 года Апелляционный суд Люксембурга отметил, что стороны должны самостоятельно возобновить контакт со службой «Трефф-пункт» в целях организации дальнейших посещений. Однако в письме от 24 июля 2020 года указанная служба сообщила автору о невозможности возобновления посещений на данный момент с учетом содержащегося в отчете вывода о том, что любое продолжение посещений будет «крайне вредным для ребенка и поставит под угрозу его наилучшие интересы». Письмом от 11 ноября 2020 года первая палата по семейным делам Верховного суда просила службу «Трефф-пункт» возобновить посещения в наилучших интересах Х. Ф. на условиях, определяемых руководителями службы. 19 ноября 2020 года служба «Трефф-пункт» ответила, что посещения по-прежнему приостановлены, учитывая перечисленные в предупреждении от 12 марта 2020 года серьезные основания, которые ставят под угрозу интересы Х. Ф., а также его физическое и психическое здоровье.

2.8 15 февраля 2021 года Центральная служба социальной помощи Люксембурга представила судье по делам несовершеннолетних доклад, в котором отметила факт насилия со стороны О. Ф. по отношению к одному из детей в школе Х. Ф., и указала, что проблемы ребенка, в том числе его вызывающее беспокойство поведение, являются следствием состояния О. Ф. Центральная служба социальной помощи также отметила, что ей не удалось связаться с адвокатом Х. Ф.

2.9 В своем решении от 3 марта 2021 года первая палата Апелляционного суда Люксембурга постановила, что право автора на доступ должно быть реализовано через службу «Трефф-пункт» в соответствии с порядком, определяемым руководителями этой службы. Суд наложил запрет на выезд Х. Ф. из страны без согласия О. Ф. Первое посещение состоялось 15 мая 2021 года, после чего автор виделась с Х. Ф. по два часа в месяц. По мнению автора, этих мер все равно недостаточно для облегчения страданий Х. Ф. Она жалуется на то, что контакты были возобновлены в очень ограниченном объеме ввиду ее разлуки с Х. Ф.

2.10 4 марта 2021 года Апелляционный суд Люксембурга предоставил автору право посещения ребенка в присутствии посредников, которое должно было осуществляться через службу «Трефф-пункт». Автор отмечает задержки в согласовании условий посещений вопреки тому, что Апелляционный суд Люксембурга в своем постановлении от 10 июля 2019 года признал заинтересованность Х. Ф. в поддержании глубокого контакта с родителями.

2.11 30 марта 2021 года уголовный суд Валанса вынес решение прекратить уголовное преследование автора по статье 227-7 Уголовного кодекса Франции о похищении несовершеннолетнего, инициированное на основании заявления О. Ф.

2.12 Автор выражает беспокойство по поводу благополучия Х. Ф. Еще 16 сентября 2019 года врач предупредил О. Ф. и службы защиты детей о потенциально суицидальном поведении Х. Ф. В своем заключении от 15 февраля 2021 года Центральная служба социальной помощи отметила пагубное влияние поведения О. Ф. на психологическое состояние Х. Ф. О плохом самочувствии Х. Ф. свидетельствует и высокий показатель массы тела. Кроме того, психолог посоветовала О. Ф. положить в школьный портфель сына ГПС-трекер. Навязчивое поведение О. Ф. вызывает у Х. Ф. сильную неуверенность в себе. Заявления психолога о том, что он чувствует себя хорошо, противоречат выводам сотрудников образовательного учреждения. Они отмечают, что Х. Ф. очень трудно контролировать свои эмоции, что он может проявлять агрессию по отношению к сверстникам и что патологическое поведение О. Ф. вызывает у ребенка тревогу. Кроме того, Х. Ф. пришлось остаться в классе на второй год. По словам автора, в мае 2021 года служба «Трефф-пункт» приняла

решение предоставить ей охрану для обеспечения ее безопасности во время посещения ребенка.

Жалоба

3.1 Автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 3 Конвенции. Она утверждает, что в своем решении от 10 июля 2019 года Апелляционный суд Люксембурга практически не упоминает решение апелляционного суда Гренобля от 20 февраля 2019 года. Последний внимательно учел наилучшие интересы ребенка и пришел к выводу о том, что возвращение Х. Ф. в Люксембург может создать риск для его физического и психологического состояния. В результате Апелляционный суд Люксембурга выдал справку, предусмотренную статьей 42 Регламента (ЕС) № 2201/2003, чтобы придать своему решению от 10 июля 2019 года законную силу во Франции, в нарушение этой статьи, которая, помимо прочих условий, гласит, что судья выдает справку только в том случае, если «суд вынес свое решение с учетом мотивов и доказательств, на основании которых было принято решение в соответствии со статьей 13 [Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей]»⁴. Кроме того, справка была выдана Апелляционным судом Люксембурга в нарушение условия, согласно которому ребенку следовало предоставить возможность быть заслушанным. В данном случае Х. Ф. не был заслушан, и Апелляционный суд Люксембурга никак это не обосновал. По мнению автора, это означает, что интересы ребенка не были приняты во внимание. Кроме того, выступление адвоката Х. Ф. на слушаниях в Апелляционном суде Люксембурга не может заменить выступление самого Х. Ф. К моменту слушаний адвокат не встречалась с ребенком уже 21 месяц.

3.2 Автор утверждает, что в своем исключительном временном постановлении по срочному вопросу от 15 октября 2019 года окружной суд Люксембурга указал на заинтересованность Х. Ф. в сохранении отношений с каждым из родителей и в ограничении его встреч с автором посещениями, организованными службой «Трефф-пункт», но не объяснил, каким образом лишение возможности пребывания у автора дома может соответствовать интересам Х. Ф. Кроме того, в своем постановлении от 10 июля 2019 года Апелляционный суд Люксембурга обвинил автора в том, что она не приложила никаких усилий для того, чтобы остаться в Люксембурге. По мнению автора, все решения, вынесенные в Люксембурге, были направлены на то, чтобы наказать ее за переезд во Францию.

3.3 Автор заявляет о нарушении пунктов 1 и 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции по двум причинам. Во-первых, по ее словам, служба «Трефф-пункт» приняла решение о приостановлении посещений на том основании, что автор спрашивает Х. Ф. о его жизни с О. Ф., что, как полагает автор, вполне правомерно. Она опровергает утверждение о том, что таким образом стремилась вовлечь Х. Ф. в конфликт между родителями. По мнению автора, задача службы «Трефф-пункт» состоит в обеспечении исполнения судебных решений, а самостоятельное решение о приостановлении разрешенных судом посещений не входит в ее компетенцию. Она отмечает, что разрыв ее отношений с Х. Ф. противоречит его наилучшим интересам. Кроме того, она объяснила службе «Трефф-пункт», что не может осуществлять свое право на посещения в присутствии посредников в будние дни, поскольку проживает более чем в 600 километрах от Люксембурга. Однако служба «Трефф-пункт» отказалась принять этот факт во внимание без малейших на то оснований. Автор указывает, что не виделась с Х. Ф. с 29 февраля 2020 года и что специалисты зафиксировали ее подавленное состояние.

3.4 Во-вторых, автор утверждает, что в своем отчете от 24 марта 2020 года Центральная служба социальной помощи Люксембурга рекомендовала приостановить посещения через службу «Трефф-пункт» исключительно на основании заявлений О. Ф., без какой-либо проверки и без заслушивания педагогов и терапевтов. Таким

⁴ Conseil de l'Union européenne, règlement (CE) n° 2201/2003 du 27 novembre 2003 relatif à la compétence, la reconnaissance et l'exécution des décisions en matière matrimoniale et en matière de responsabilité parentale abrogeant le règlement (CE) n° 1347/2000, *Journal officiel de l'Union européenne*, L 338, 23 décembre 2003, p. 1.

образом, действия, которые должна была предпринять служба в соответствии с информацией, размещенной на веб-сайте Министерства юстиции, не были осуществлены⁵. Автор опровергает утверждение Центральной службы социальной помощи о том, что до нее невозможно было дозвониться по телефону. По мнению автора, предписание о ее разлучении с Х. Ф. нарушает право ребенка поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями. Кроме того, Центральное управление Люксембурга, опираясь исключительно на утверждения О. Ф., отказалось вмешаться в ситуацию и разрешить свидание автора с Х. Ф. Автор оспаривает утверждение Центрального управления о том, что 18 марта 2020 года она явилась домой к О. Ф., чтобы во второй раз похитить Х. Ф. Таким образом, ни адвокат Х. Ф., ни судья по делам несовершеннолетних, ни суды по гражданским делам не осознали важности сохранения связи между ней и Х. Ф.

3.5 Автор добавляет, что национальные суды не приложили необходимых усилий для поддержания связи между ней и Х. Ф. и не приняли во внимание страдания Х. Ф. В результате Х. Ф. не мог поддерживать с ней отношения в период с февраля 2020 года по май 2021 года, несмотря на систематические напоминания автора о важности поддержания такой связи. Новое социальное расследование было назначено судом по делам несовершеннолетних и опеки только после слушаний 20 апреля 2021 года. Таким образом, суд не последовал рекомендации Центральной службы социальной помощи Люксембурга, содержащейся в отчете от 6 октября 2020 года, об установлении меры по оказанию помощи в получении образования.

3.6 Автор утверждает, что права Х. Ф., предусмотренные статьей 12 Конвенции, не были соблюдены, поскольку все решения, вынесенные в Люксембурге, были приняты без заслушивания его мнения. Адвокат, назначенная представлять его интересы, выступила в Апелляционном суде Люксембурга 19 июня 2019 года, хотя к тому моменту она не встречалась с Х. Ф. почти два года. Она не приняла никаких мер для организации встреч между Х. Ф. и автором и не ответила на письма адвоката автора, в которых тот обращал ее внимание на тяжелое состояние Х. Ф., спрашивал, намерена ли она принять участие во встрече для поиска решения, и предлагал ей напомнить О. Ф. о праве Х. Ф. на общение с автором. 17 марта 2020 года адвокат Х. Ф. обратилась к судье по делам несовершеннолетних окружного суда Люксембурга с просьбой вынести предписание о помещении своего подзащитного под родительскую опеку и о приостановлении действия всех прав, связанных с его посещением. Адвокат Х. Ф. добилась того, что ребенка разлучили с автором, не выслушав ее, тогда как показания О. Ф. были заслушаны.

3.7 По мнению автора, процесс исчерпания внутренних средств правовой защиты превысил все разумные сроки, учитывая юный возраст Х. Ф. и его разлуку с матерью, которая может сказаться на его развитии. Она утверждает, что назначение врача Апелляционным судом Люксембурга повлечет за собой дополнительные задержки. Кроме того, маловероятно, что данная процедура приведет к эффективному возмещению ущерба в свете приведенных выше утверждений. По мнению автора, позиция Центрального управления Люксембурга, которое представлено адвокатом, занимавшим пост первого генерального адвоката в составе Апелляционного суда Люксембурга на момент вынесения им решения от 10 июля 2019 года, и которое, руководствуясь заявлениями О. Ф., отказалось вмешаться в ситуацию, чтобы позволить автору встретиться с Х. Ф., дает основания полагать, что оно приложит все усилия, чтобы лишить Х. Ф. его связей с автором.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 4 октября 2021 года государство-участник утверждает, что автор изложила свою версию фактов неполно и предвзято. Оно отмечает, что в 2015–2016 годах родители Х. Ф. развелись из-за острого конфликта, в результате которого ребенок периодически оказывался в условиях нестабильности. Судебные

⁵ <https://justice.public.lu/fr/aides-informations/assistance-sociale/scas-service-de-la-protection-de-la-jeunesse.html>.

органы изначально вынесли постановление о сохранении родительских прав за обоими родителями, о назначении автора опекуном ребенка и о предоставлении О. Ф. права посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время. В 2018 году произошли тяжелые события, которые нанесли Х. Ф. психологическую травму и заставили автора в одностороннем порядке принять решение о переезде на юг Франции, что лишило О. Ф. законной возможности посещать Х. Ф. и забирать его к себе на определенное время. Ребенок был незаконно перевезен во Францию, где он провел более 14 месяцев без каких-либо контактов с О. Ф. или адвокатом. Судебные органы Люксембурга и Франции квалифицировали действия автора как незаконное перемещение и международное похищение ребенка⁶.

4.2 Решением от 29 ноября 2018 года окружной суд Люксембурга на основании результатов назначенной судом медицинской экспертизы, проводимой с участием обеих заинтересованных сторон, и сообщения, поступившего от адвоката ребенка, который был заслушан данным посредником, постановил назначить опекуном О. Ф. и предоставить автору право посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время. Суд принял во внимание наилучшие интересы ребенка и тот факт, что автор препятствовала поддержанию отношений между отцом и ребенком. В 2018 и 2019 годах параллельно велись разбирательства по поводу возвращения Х. Ф. домой и по поводу ходатайства автора о получении родительской опеки над ребенком. Французские судебные органы удовлетворили ходатайство автора о смене опекуна. При этом 10 июля 2019 года Апелляционный суд Люксембурга установил местом проживания Х. Ф. домашний адрес О. Ф., вынес предписание о возвращении ребенка, предоставил автору право посещать его и забирать к себе на определенное время, а также сохранил родительские права за обоими родителями в интересах Х. Ф. Поскольку автор сознательно проигнорировала решение суда, 5 сентября 2019 года в ситуацию пришлось вмешаться органам правопорядка, которые вернули Х. Ф. в Люксембург. Вследствие этого 15 октября 2019 года суд Люксембурга вынес исключительное временное постановление по срочному вопросу об ограничении права автора на посещение ребенка встречами, организованными через службу «Трефф-пункт». Автор неоднократно нарушала установленные службой правила, что затрудняло посещение. Решением по существу дела от 29 ноября 2019 года судья по семейным делам постановила не пересматривать условия, определенные в постановлении от 10 июля 2019 года. Постановлением от 18 марта 2020 года Апелляционный суд назначил медицинскую экспертизу, проводимую с участием обеих заинтересованных сторон. Государство-участник отмечает, что в тот же день в доме О. Ф. произошло событие, которое одна из сторон назвала «посещением», а вторая — предпринятой автором «попыткой похищения» и которое было травмирующим для Х. Ф.

4.3 Государство-участник указывает, что в медицинском, социальном и психиатрическом заключениях в отношении Х. Ф. было рекомендовано усиленное медицинское и психотерапевтическое наблюдение, учитывая острый конфликт между родителями с самого раннего детства ребенка и развившуюся у него реактивную гипогликемию. Однако родители продолжали усугублять состояние Х. Ф. своими спорами и непрекращающимися судебными разбирательствами. Медицинская экспертиза зафиксировала плохое самочувствие ребенка и даже риск самоубийства. Разумеется, судебные органы Люксембурга и Франции решили не заслушивать ребенка напрямую, но оценить его состояние при посредничестве его адвоката и с помощью многочисленных заключений социальных и медицинских работников. 22 июня 2020 года автор обратилась в Апелляционный суд Люксембурга с ходатайством об исправлении существенной ошибки, ссылаясь на то, что Х. Ф. не был заслушан. 22 июля и 12 ноября 2020 года Апелляционный и Кассационный суды отклонили это ходатайство, постановив, что в интересах ребенка он был заслушан надлежащим образом через своего адвоката.

⁶ Государство-участник ссылается на медицинское заключение, выданное 12 ноября 2020 года по запросу Апелляционного суда Люксембурга.

4.4 Государство-участник отмечает осмотрительные действия судебных органов с точки зрения приемлемости сообщения в отношении исчерпания автором внутренних средств правовой защиты с одной стороны и вмешательства в ситуацию судебных органов Франции, где идут параллельные разбирательства, — с другой. Однако в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка государство-участник не считает целесообразным прямо оспаривать приемлемость сообщения.

4.5 По существу дела государство-участник утверждает, что судебные органы Люксембурга должным образом учли в своих решениях наилучшие интересы ребенка. Оно ссылается на то, что при вынесении постановления от 10 июля 2019 года Апелляционный суд Люксембурга определил заинтересованность Х. Ф. и учел заключения экспертов и свои выводы по поводу состояния ребенка. По словам государства-участника, Апелляционный суд счел, что судьи первой инстанции правомерно определили место жительства Х. Ф. по домашнему адресу О. Ф., поскольку решение автора переехать с Х. Ф. на юг Франции нанесло ущерб душевному равновесию ребенка и продемонстрировало отсутствие ее стремления к поддержанию отношений между О. Ф. и Х. Ф. Государство-участник не согласно с тем, что данное постановление противоречит решению апелляционного суда Гренобля и что интересы ребенка не были приняты во внимание; по его мнению, Апелляционный суд Люксембурга действовал в рамках своей компетенции в соответствии с пунктами 6–8 статьи 11 Регламента (ЕС) № 2201/2003.

4.6 С точки зрения статьи 18 Конвенции государство-участник утверждает, что родители не могут перекладывать на государственные учреждения свою обязанность действовать в наилучших интересах ребенка. Оно оспаривает утверждение о том, что национальные суды вынесли свои решения с целью наказать автора, которая недооценивает последствия своего собственного поведения. Экспертное заключение, сделанное по запросу Апелляционного суда Люксембурга, касалось как Х. Ф., так и обоих его родителей, чтобы исключить любую предвзятость. По мнению государства-участника, экспертные заключения объективно свидетельствуют о том, что главными виновниками страданий Х. Ф. являются его родители, и в частности автор. Государство-участник приходит к выводу о том, что не нарушило статью 3 Конвенции.

4.7 Государство-участник утверждает, что, принимая во внимание обстоятельства дела, право на контакт с Х. Ф. получили оба родителя. В 2016 году автор получила право родительской опеки, а О. Ф. — право посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время. В 2018 году в результате международного похищения Х. Ф. судья приняла решение о передаче права родительской опеки и совместного проживания О. Ф. и о предоставлении автору права посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время. В 2019 году Апелляционный суд Люксембурга подтвердил эти условия. Учитывая высокий риск рецидива, судья, выносящий решения по срочным вопросам, ограничил доступ автора к ребенку посещениями, организованными через службу «Трефф-пункт». Некоторые из посещений были отменены по инициативе автора. Ввиду неблагоприятной ситуации, возникшей у автора со специалистами службы «Трефф-пункт», был подан отчет социальных работников, на основании которого было временно приостановлено действие права на очные посещения. Возможность контакта по телефону или видеосвязи была сохранена. В ноябре 2020 года посещения на базе службы «Трефф-пункт» возобновились. Государство-участник не усматривает нарушения статей 9–11 Конвенции.

4.8 Государство-участник утверждает, что выяснение мнения Х. Ф. и его заслушивание подтверждены в материалах дела многочисленными документами от психологов, социальных работников и детских психиатров, а также осуществлены через его адвоката на основании статьи 388-1 Гражданского кодекса, в том числе в рамках выдачи справки согласно статье 42 Регламента (ЕС) № 2201/2003. По словам государства-участника, в своем решении от 22 июля 2020 года Апелляционный суд Люксембурга постановил, что заслушивание Х. Ф. через его адвоката не является существенной ошибкой. Кроме того, в ходе разбирательства в Апелляционном суде автор не высказывала никаких критических замечаний по поводу позиции адвоката, что подтверждается вышеупомянутыми отчетами. По мнению государства-участника, невозможность общения Х. Ф. со своим адвокатом была обусловлена решением автора

незаконно переехать на постоянное место жительства во Францию вместе с Х. Ф. Более того, в последнем сообщении назначенного ребенку адвоката от 14 февраля 2020 года говорится, что он был заслушан, и описаны его острые болезненные переживания. По мнению государства-участника, прямое заслушивание Х. Ф. в суде могло бы причинить ему моральный вред, учитывая, что на момент начала разбирательства он относился к возрастной категории от 3 до 8 лет и что он был свидетелем серьезных конфликтов между родителями и в том числе участником тяжелых и травмирующих событий. В связи с этим внутригосударственные компетентные органы не стремились к более прямому участию ребенка в разбирательствах, поскольку это не отвечало бы его интересам и не способствовало бы его благополучию. Таким образом, статья 12 Конвенции не была нарушена.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 22 февраля и 19 апреля 2022 года автор отрицает свою причастность к каким-либо попыткам или актам похищения ребенка. Отмечая, что государство-участник ссылается на медицинское заключение от 12 ноября 2020 года в качестве подтверждения ее виновности в международном похищении Х. Ф., она утверждает, что врач не компетентен давать правовую оценку действий. По ее словам, государство-участник не признает тот факт, что 20 февраля 2019 года апелляционный суд Гренобля принял решение не предписывать возвращение Х. Ф. в Люксембург, мотивируя это наличием серьезной опасности. По мнению автора, люксембургские судебные органы проигнорировали это решение, тогда как в соответствии с пунктом 2 статьи 42 Регламента (ЕС) № 2201/2003 им надлежало объяснить, почему место жительства Х. Ф. должно быть определено в Люксембурге, несмотря на заключение апелляционного суда Гренобля.

5.2 Автор оспаривает утверждение о том, что Х. Ф. был должным образом заслушан. На дату слушания дела в Апелляционном суде Люксембурга 19 июня 2019 года адвокат не видела его 21 месяц, что является значительным сроком для ребенка его возраста. Однако она не предприняла никаких действий, чтобы поговорить со своим подзащитным. Кроме того, Апелляционный суд не обязал адвоката заслушать Х. Ф., не принял решение заслушать его самостоятельно и не объяснил отказ от заслушивания.

5.3 По словам автора, судебные органы Люксембурга не приняли во внимание тот факт, что во время своего пребывания во Франции Х. Ф. не упоминал о трудностях, связанных с конфликтом между родителями. Государство-участник утверждает, что автор вовлекла Х. Ф. в родительский конфликт, однако, по ее словам, она лишь задавала ему простые вопросы о его жизни и занятиях. Государство-участник ссылается на результаты социального расследования от 24 марта 2020 года, однако национальные суды не учли, что отчет по этому запросу был составлен исключительно на основе заявлений О. Ф. без установления контакта с автором. Она вновь заявляет, что посещения были приостановлены на 15 месяцев, в течение которых она оставалась без связи с Х. Ф. По ее словам, в период с февраля 2020 года по май 2021 года, когда посещения возобновились, не было предпринято никаких мер для поддержания связи с ним. По мнению автора, государство-участник не объясняет несоответствие между действиями Центрального управления с одной стороны и действиями сотрудника государственной прокуратуры, который работал по делу, связанному с вмешательством этого органа, — с другой.

5.4 Как отмечает автор, в рамках предупреждения от 19 января 2022 года служба «Трефф-пункт» направила письмо в отдел по делам несовершеннолетних прокуратуры окружного суда Люксембурга, в котором объясняется, что Х. Ф. оказался втянутым в конфликт между работниками службы и О. Ф. Авторы отчета утверждают, что О. Ф. не проявляет готовности к сотрудничеству в целях расширения прав автора на посещение, и считают, что он психологически манипулирует Х. Ф., из-за чего тот чувствует себя тревожно и неуверенно. Они предлагают отдалить ребенка от О. Ф., чтобы защитить его от психологических манипуляций и отчуждения, которые угрожают его развитию, а также обеспечить ему терапевтическую поддержку. Однако

на момент представления комментариев автора никаких мер в связи с вынесенным предупреждением принято не было.

5.5 Автор также ссылается на отчет Центральной службы социальной помощи от 3 февраля 2022 года, направленный судье по делам несовершеннолетних. По словам сотрудников службы, они «очень обеспокоены» тем, что Х. Ф. не может проявить свои эмоции, связанные с его чувствами к автору, и нуждается в физическом контакте с ней. При этом сотрудник, наблюдающий за свиданиями, отметил, что никогда не наблюдал никакой привязанности между Х. Ф. и О. Ф., который доминирует над ребенком и унижает его. В отчете службы отмечается, что меры по оказанию помощи в получении образования были приняты слишком поздно с учетом масштабов проблемы и переживаний Х. Ф., а также рекомендуется «в срочном порядке изолировать ребенка от среды, которая психологически вредна для его эмоционального развития и роста», и попытаться вновь организовать его проживание дома у автора. Сотрудники службы также поясняют, что автора заботит только благополучие Х. Ф. Автор заявляет, что очень важно принять решение о будущем ребенка, учитывая тот ущерб, который, по ее мнению, уже был причинен бездействием властей Люксембурга.

5.6 28 марта 2022 года судья по семейным делам окружного суда Люксембурга, вынося временное постановление по срочному вопросу, признал ходатайство автора об установлении места жительства Х. Ф. по ее домашнему адресу необоснованным. В поддержку своего ходатайства автор ссылается на содержание отчета Центральной службы социальной помощи от 3 февраля 2022 года и предупреждение службы «Трефф-пункт» от 19 января 2022 года. Затем О. Ф. подал два ходатайства об отсрочке, которые были удовлетворены в связи с проведением слушаний 15 и 22 марта 2022 года. По словам автора, ни ей, ни ее адвокату не было разъяснено, что вторая отсрочка может привести к отклонению ходатайства, хотя отсрочки были назначены на краткий период с учетом срочного характера ходатайства, и что, как отметил судья, может быть назначена только одна отсрочка. Однако судья посчитал, что в данном деле не реализовано стремление законодательных органов установить для процедуры вынесения судьей по семейным делам исключительного временного постановления по срочному вопросу жесткие временные рамки, продиктованные понятием критического положения. По мнению автора, это решение подтверждает «желание» наказать ее. Она утверждает, что в течение нескольких месяцев Х. Ф. был лишен возможности поддерживать с ней какие-либо отношения и что условия постановления Апелляционного суда Люксембурга от 10 июля 2019 года, касающиеся ее права посещать ребенка и забирать его к себе на определенное время, так и не были выполнены.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в каком-либо сообщении, Комитет должен во исполнение статьи 20 своих правил процедуры в рамках Факультативного протокола принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

6.2 Как указывает Комитет, в своем первоначальном представлении автор отметила, что исчерпание внутренних средств правовой защиты потребовало бы нерационально много времени с учетом юного возраста Х. Ф. и ряда других факторов. Кроме того, Комитет принимает к сведению тот факт, что 12 ноября 2020 года Кассационный суд отклонил кассационную жалобу автора в отношении ее ходатайства об исправлении существенной ошибки. В своей жалобе она ссылалась на статью 3 Конвенции в связи с судебным предписанием о возвращении Х. Ф. по месту жительства О. Ф. и с отказом заслушать по этому поводу Х. Ф., а также в связи с другими нарушениями. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает приемлемость сообщения. Следовательно, Комитет приходит к выводу

об отсутствии препятствий для рассмотрения им данного сообщения в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола⁷.

6.3 Комитет отмечает, что, по словам автора, Апелляционный суд Люксембурга нарушил статью 42 Регламента (ЕС) № 2201/2003. Поскольку автор указывает на нарушение данного регламента, Комитет отмечает, что в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола он не компетентен рассматривать утверждения о подобных нарушениях. На этом основании Комитет считает эту часть сообщения несовместимой с его предметной подсудностью и объявляет ее неприемлемой в соответствии с пунктом с) статьи 7 Факультативного протокола.

6.4 Комитет отмечает, что государство-участник не пожелало оспаривать приемлемость сообщения, содержащего утверждения по поводу пункта 1 статьи 3, пунктов 1 и 3 статьи 9, а также статей 10 и 12 Конвенции. Кроме того, как он указывает, жалобы автора на то, что с одной стороны она не была выслушана Центральной службой социальной помощи, а с другой стороны служба «Трефф-пункт» приняла решение о приостановлении посещений исключительно на основании жалоб О. Ф., по сути, поднимают вопросы, касающиеся пункта 2 статьи 9 Конвенции. В связи с этим и в отсутствие каких-либо иных указаний на наличие препятствий к приемлемости Комитет объявляет настоящее сообщение, касающееся пункта 1 статьи 3, пунктов 1–3 статьи 9, пункта 2 статьи 10, а также статьи 12 Конвенции, приемлемым и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Факультативного протокола Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что государство-участник нарушило права Х. Ф., предусмотренные пунктом 1 статьи 3, пунктами 1–3 статьи 9, пунктом 2 статьи 10 и статьей 12 Конвенции, не обеспечив в достаточной мере интересы ребенка, ограничив его контакты с автором и не заслушав его при принятии судебных решений в отношении его возвращения из Франции в Люксембург и при осуществлении последующих процедур, связанных с правом посещения ребенка автором и с местом проживания Х. Ф.

7.3 Сначала Комитет рассмотрит утверждения автора, касающиеся статей 3 и 12 Конвенции. В этой связи он напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Конвенции государства-участники обязаны следить за тем, чтобы при принятии государственными органами каких-либо решений в отношении детей первоочередное внимание уделялось наилучшему обеспечению интересов ребенка. Кроме того, Комитет напоминает, что, как правило, рассмотрение фактов и доказательств, а также толкование и применение национального законодательства относится к компетенции национальных судебных органов за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или составляет отказ в правосудии. В этой связи Комитет не подменяет собой национальные органы при толковании национального законодательства и оценке фактов и доказательств, однако он обязан проверить отсутствие произвола или отказа в правосудии в оценке властей и гарантировать, что в качестве основного критерия в этой оценке был использован принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка⁸.

7.4 В данном случае, как отмечает Комитет, в своем решении от 10 июля 2019 года, на которое ссылается автор, Апелляционный суд Люксембурга постановил, что «наилучшие интересы ребенка должны быть единственным критерием, которым руководствуется суд при принятии решения, а все остальные соображения являются второстепенными». Поэтому при решении вопросов, связанных с определением места

⁷ С. К. против Дании (CRC/C/90/D/99/2019), п. 6.2.

⁸ У. А. И. против Испании (CRC/C/73/D/2/2015), п. 4.2; А. И. против Дании (CRC/C/78/D/7/2016), п. 8.8; С. Е. против Бельгии (CRC/C/79/D/12/2017), п. 8.4; и З. Т. и другие против Швейцарии (CRC/C/92/D/101/2019), п. 9.6.

жительства, возвращением, правами посещения и проживания, распределением родительских прав и так далее, суд исходил из наилучших интересов Х. Ф. Таким образом, суд принял во внимание заинтересованность Х. Ф. в сохранении связи с обоими родителями, стабильном и спокойном ритме жизни, а также гармоничном психоэмоциональном развитии. В частности, суд принял во внимание возраст Х. Ф., конфликт между его родителями, причиненный Х. Ф. вред в результате решения автора переехать с ним во Францию в 2018 году, поведение родителей, отношения Х. Ф. с каждым из них, а также содержание отчетов о результатах социального расследования и заключения детского психиатра. Кроме того, суд в явной форме рассмотрел аргументы автора против решения о проживании Х. Ф. с О. Ф., но на основании вышеупомянутых доказательств пришел к выводу о том, что осуществлять воспитание способны оба родителя и что в интересах Х. Ф. вернуться к проживанию с отцом. Хотя Апелляционный суд Люксембурга прямо не ссылаясь на соображения апелляционного суда Гренобля, Комитет отмечает, что он, тем не менее, провел подробный и обстоятельный анализ наилучших интересов Х. Ф. Комитет также отмечает, что автор, по-видимому, не утверждает обратного.

7.5 В этой связи Комитет отмечает, что в своих решениях национальные суды приняли во внимание общее состояние Х. Ф., степень его комфорта в общении с обоими родителями, а также преследующие его ночные кошмары, грусть, тревогу и страх быть брошенным. Таким образом, вопреки утверждениям автора, Комитет не может сделать вывод о том, что национальные суды не приняли во внимание «страдания Х. Ф.».

7.6 В отношении аргумента автора о том, что судья по семейным делам окружного суда Люксембурга в своем исключительном временном постановлении по срочному вопросу от 15 октября 2019 года не объяснила, почему лишение Х. Ф. возможности пребывания с ней будет отвечать его наилучшим интересам, Комитет отмечает, что при вынесении указанного решения судья приняла во внимание наилучшие интересы любого ребенка, родители которого проживают раздельно, состоящие в поддержании как можно более глубокого контакта с каждым из родителей. Судья также учла неспособность автора исполнять судебные решения, включая постановление Апелляционного суда Люксембурга от 10 июля 2019 года, и уточнила, что она приняла решение предоставить автору право посещения ребенка в помещениях службы «Трефф-пункт», чтобы предотвратить повторное похищение Х. Ф. и обеспечить надзор за отношениями матери и ребенка.

7.7 В свете вышесказанного Комитет не считает, что оценки, содержащиеся в вышеупомянутых судебных решениях, могут быть охарактеризованы как произвольные или квалифицированы как отказ в правосудии. Кроме того, Комитет не усматривает никаких доказательств, подтверждающих заявление автора о том, что в этих решениях интересам Х. Ф. не было уделено первоочередное внимание, как того требует статья 3 Конвенции.

7.8 В отношении утверждения о том, что Х. Ф. не был заслушан, Комитет отмечает замечание государства-участника, по словам которого, мнение Х. Ф. было выяснено, а его заслушивание обеспечено с помощью многочисленных документов от психологов, социальных работников и детских психиатров, а также через адвоката. Комитет также отмечает, что, по утверждению государства-участника, национальные власти решили не заслушивать ребенка, чтобы избежать риска причинения ему морального вреда, учитывая его возрастную категорию на момент разбирательства — от 3 до 8 лет — и его участие в родительском конфликте. В этом отношении Комитет напоминает, что в статье 12 Конвенции не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и она не поощряет государства-участники к введению в законодательстве или на практике возрастных ограничений, которые бы ущемляли право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам⁹. Кроме того, Комитет напоминает, что государства-участники обязаны сознавать возможные негативные последствия непродуманного осуществления этого права, особенно если речь идет о детях в самом раннем возрасте,

⁹ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 12 (2009), п. 21.

или о случаях, в которых ребенок является жертвой уголовного преступления, сексуальных домогательств, насилия или других форм ненадлежащего обращения¹⁰. Государства-участники должны принимать все необходимые меры для обеспечения осуществления права быть заслушанным в условиях полноценной защиты ребенка¹¹. Комитет также напоминает, что, если заслушивание ребенка производится через его представителя, крайне важно, чтобы последний без каких-либо искажений передавал мнение ребенка лицу, ответственному за принятие решений¹². Представители должны в достаточной мере знать и понимать различные аспекты процесса принятия решений и обладать опытом работы с детьми¹³.

7.9 В данном случае Комитет отмечает, что в соответствии со статьей 388-1 Гражданского кодекса государства-участника суды имеют возможность и даже обязательство заслушать несовершеннолетнего, способного к здравым суждениям, по его собственной просьбе, причем это заслушивание может проводиться и третьими лицами. Как следует из материалов дела, именно таким образом в феврале 2017 года для защиты интересов Х. Ф. был назначен адвокат, и автор не оспаривает, что сообщение адвоката было заслушано. По словам автора, на момент слушания дела 19 июня 2019 года в Апелляционном суде Люксембурга адвокат не встречалась с Х. Ф. в течение 21 месяца, однако, как отмечает Комитет, из-за решения автора похитить Х. Ф. и увезти его во Францию он не находился в Люксембурге более года, включая все время апелляционного разбирательства, в связи с которым автор жалуется на то, что Х. Ф. не был заслушан. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что невозможность заслушать Х. Ф. в рамках данного разбирательства не может быть вменена в вину государству-участнику. Кроме того, как следует из материалов дела, 14 февраля 2020 года адвокат Х. Ф. указала, что после возвращения Х. Ф. в Люксембург 5 сентября 2019 года она разговаривала с ним 30 сентября 2019 года и 12 февраля 2020 года. В отношении предполагаемого отсутствия сотрудничества со стороны адвоката Х. Ф. и позиции, занятой ею в ходе судебного разбирательства, Комитет считает, что автор не представила достаточных сведений для обоснования этого утверждения. Он отмечает, что национальные суды приняли во внимание мнение Х. Ф., выраженное в различных отчетах, имеющихся в деле, включая его желание сохранить отношения с обоими родителями, степень комфорта при общении с каждым из них и его общее благополучие. В свете вышеизложенного Комитет считает, что с учетом физической возможности заслушать Х. Ф. в Люксембурге и конкретных обстоятельств дела, включая переживания Х. Ф. по поводу конфликта родителей и степень его зрелости, национальные суды соблюли его право быть заслушанным при рассмотрении вышеупомянутых мнений в соответствии со статьей 12 Конвенции.

7.10 Комитет принимает к сведению утверждения автора о нарушении пунктов 1–3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции в связи с приостановлением посещений службой «Трефф-пункт» и ограничением контактов автора с Х. Ф., а также в связи с ее заявлениями о том, что служба «Трефф-пункт» отказалась учитывать факт ее проживания более чем в 600 километрах от Люксембурга, что судебные органы допускали задержки в обеспечении сохранения связей Х. Ф. и что адвокат Х. Ф., Центральная служба социальной помощи и Центральное управление Люксембурга формулировали свои позиции, опираясь на слова О. Ф. и не заслушав автора.

7.11 Комитет напоминает, что согласно пункту 1 статьи 9 Конвенции государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем или когда родители проживают раздельно и необходимо принять решение относительно места проживания ребенка. Комитет также напоминает, что в соответствии с

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, п. 36.

¹³ Там же.

пунктом 2 статьи 9 Конвенции в ходе любого разбирательства в соответствии с пунктом 1 статьи 9 всем заинтересованным сторонам предоставляется возможность участвовать в разбирательстве и излагать свои точки зрения. Кроме того, он напоминает, что согласно пункту 3 статьи 9 государства-участники уважают право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка. Наконец, как напоминает Комитет, пункт 2 статьи 10 Конвенции предусматривает в том числе, что ребенок, родители которого проживают в различных государствах, имеет право поддерживать на регулярной основе, за исключением особых обстоятельств, личные отношения и прямые контакты с обоими родителями.

7.12 В данном случае Комитет отмечает, что утверждения автора о приостановлении посещений ставят под сомнение оценку фактов и доказательств учреждениями государства-участника, в частности службой «Трефф-пункт». Кроме того, как отмечает Комитет, служба «Трефф-пункт» приняла решение о приостановлении посещений в марте 2020 года на том основании, что морально-психологическое состояние Х. Ф. во время посещений и после них находилось под угрозой. Служба «Трефф-пункт» приняла во внимание, что автор не согласилась с организацией ее работы и полномочиями, регулярно подвергала практику семейного регулирования и сопровождающего работника словесной агрессии, порочила специалистов и не осознавала, что тем самым подвергает Х. Ф. психологическому стрессу. Кроме того, служба «Трефф-пункт» убедилась в том, что конфликт между родителями постоянно муссировался и автор вовлекала в него Х. Ф., причиняя ему дискомфорт. У нее также возникли сомнения в родительских навыках обоих участников конфликта. В свете этих соображений Комитет не может сделать вывод о том, что первоначальное решение учреждения, назначенного для организации посещений, было произвольным или равносильным отказу в правосудии. Кроме того, как отмечает Комитет, несмотря на жалобы автора по поводу того, что до приостановления посещений ей удалось встретиться с Х. Ф. всего три раза, решение об отмене еще двух посещений она приняла сама.

7.13 Комитет также отмечает, что в своих письмах от 24 июля 2020 года и 19 ноября 2020 года служба «Трефф-пункт» указала на сохранение в силе решения о приостановлении посещений, несмотря на высказанное родителям предложение судебных органов обратиться в указанную службу для возобновления посещений и на последующий судебный запрос о возобновлении посещений. Комитет также отмечает, что и судебные органы, и служба «Трефф-пункт» при формировании своей позиции опираются на собственную оценку интересов и благополучия Х. Ф. Как указывает Комитет, в своем письме от 19 ноября 2020 года служба «Трефф-пункт» подтвердила свою обеспокоенность по поводу соблюдения интересов и поддержания морально-психологического благополучия Х. Ф. и заявила о своей готовности возобновить посещения сразу после получения доказательств того, что благополучию Х. Ф. больше ничего не угрожает. В свете этих обстоятельств Комитет отмечает, что, хотя органы власти государства-участника по-разному понимали то, насколько организация встреч с автором отвечает наилучшим интересам Х. Ф., при проведении оценки они всегда руководствовались подробным изучением наилучших интересов Х. Ф. с учетом его уязвимости из-за конфликта родителей, а также протекания встреч автора с Х. Ф. и влияния на него этих посещений. По мнению Комитета, хотя автор оспаривает суждения службы «Трефф-пункт», она не доказала, что они были произвольными или равносильными отказу в правосудии.

7.14 Комитет также отмечает, что, хотя автор и государство-участник по-разному смотрят на вопрос о том, поддерживала ли она контакт с Х. Ф. в период приостановления посещений, и о дате возобновления посещений, в нескольких документах, присутствующих в деле, упоминаются телефонные разговоры между автором и Х. Ф. в период приостановления посещений. По мнению Комитета, это свидетельствует о том, что автор все же поддерживала контакт с Х. Ф. Он также отмечает, что, согласно материалам дела, в мае 2021 года посещения возобновились. В отношении утверждения автора по поводу невозможности видеться с Х. Ф. из-за судебных проволочек Комитет отмечает, что, как показало изучение материалов дела,

причиной сокращения контактов стало решение одного из компетентных органов государства-участника о приостановлении посещений в целях обеспечения благополучия Х. Ф. Кроме того, как указывает Комитет, вопреки утверждению автора о том, что служба «Трефф-пункт» не объяснила причин отклонения ее просьбы изменить график посещений с учетом ее проживания на юге Франции, из материалов дела следует, что данная служба признала необходимость компромисса всех сторон в отношении составленного графика, но мотивировала выбор времени посещений в первую очередь потребностями и расписанием занятий Х. Ф. Комитет не усматривает в таком подходе признаков произвола.

7.15 В отношении утверждения автора об отказе Центрального управления Люксембурга вмешаться в ситуацию, чтобы разрешить ей встретиться с Х. Ф., исключительно на основании заявлений О. Ф. Комитет отмечает, что автор ссылается на электронное письмо Центрального управления, в котором идет речь об обмене мнениями между адвокатами О. Ф. и ею самой. В электронном письме также упоминается позиция адвоката автора. Комитет не усматривает никаких доказательств, подтверждающих заявление о том, что Центральное управление не приняло во внимание мнение автора. Кроме того, он не видит признаков нарушения прав Х. Ф., предусмотренных Конвенцией, в том, что Центральное управление представляет тот же человек, который занимал пост первого генерального адвоката в составе Апелляционного суда Люксембурга на момент вынесения им постановления от 10 июля 2019 года. Кроме того, Комитет полагает себя неспособным дать оценку несогласия автора с заявлением Центральной службы социальной помощи, приведенным в ее отчете от 24 марта 2020 года, о том, что все попытки связаться с автором были безуспешными. Комитет также отмечает, что автор представила свои комментарии в ходе судебных разбирательств, стороной которых она являлась, а также в связи с последующими заключениями Центральной службы социальной помощи от 30 сентября 2020 года и 3 сентября 2021 года и результатами медицинской экспертизы от 12 ноября 2020 года и что она также была заслушана адвокатом Х. Ф.

7.16 Как отмечает Комитет, в своих комментариях от 19 апреля 2022 года автор утверждает, что она вновь лишена контакта с Х. Ф. «вот уже несколько месяцев». Изучив материалы дела, Комитет установил, что это связано с отказом Х. Ф. от встреч с автором. Комитет также отмечает в той же связи, что автор не согласна с решением суда по семейным делам от 28 марта 2022 года. В то же время, по его мнению, автор не доказала, что решение суда по семейным делам об отказе в удовлетворении ее ходатайства о вынесении временного постановления по срочному вопросу было произвольным или представляло собой отказ в правосудии, учитывая мотивировку решения, касающуюся согласия автора на две отсрочки. Комитет также принимает к сведению ссылку автора на сообщение службы «Трефф-пункт» от 19 января 2022 года и отчет Центральной службы социальной помощи от 3 февраля 2022 года. Автор жалуется на то, что органы власти государства-участника не приняли никаких мер в связи с содержанием этих сообщений, включая отказ Х. Ф. видаться с ней после возобновления посещений, однако Комитет отмечает, что автор не указала, предпринимала ли она какие-либо действия для получения решения суда по этому вопросу, помимо подачи ходатайства о вынесении временного постановления. Поэтому Комитет считает, что автор не продемонстрировала никакого нарушения государством-участником прав Х. Ф. в соответствии с Конвенцией.

7.17 С учетом вышеизложенного, и в частности поскольку решения государства-участника были основаны на подробной оценке наилучших интересов Х. Ф., Комитет не может прийти к выводу о том, что автор доказала факт противоречия различных решений, касающихся посещений, пунктам 1–3 статьи 9 или пункту 2 статьи 10 Конвенции.

7.18 Комитет, действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Факультативного протокола, приходит к заключению о том, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 3, пунктов 1–3 статьи 9, пункта 2 статьи 10 и статьи 12 Конвенции.